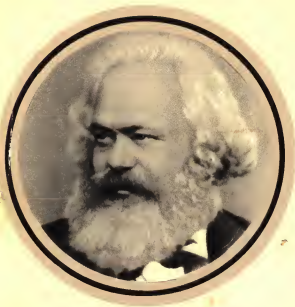

Поль Лафарг

Воспоминания
о МАРКСЕ

Поль Лафарг (1842—1911 гг.) — выдающийся деятель французского и международного рабочего движения, талантливый публицист, один из первых последователей научного коммунизма во Франции, близкий друг и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса.

В течение многих лет П. Лафарг был хорошо знаком с К. Марксом и его семьей. В апреле 1868 г. Лафарг женился на второй дочери Маркса — Лауре.

В ярких и живо написанных воспоминаниях Лафарг рассказывает о К. Марксе — великом мыслителе, революционере и замечательном, скромном и жизнелюбивом человеке.

Поль Лафарг

Воспоминания
о МАРКСЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1967

ЗК16
Л29

ЛЛФАРГ, ПОЛЬ.
ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКСЕ. М., По-
литиздат, 1967.
32 с.

ЗК16

Ответственный за выпуск А. Никольский

Художественный редактор Н. Симанин

Технический редактор Ц. Бейлина

Корректоры М. Шустерман и Е. Щукина

Сдано в набор 21 июня 1967 г. Подписано в печать
18 июля 1967 г. Формат 70 × 90¹/₃₂. Физ. печ. л. 1.
Условн. печ. л. 1,17. Учетно-изд. л. 1,05. Тираж
100 тыс. экз. Бумага № 1. Заказ № 546. Цена 4 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

1—1—3

140—67

Он человек был, человек во всем,
Ему подобных мне уже не встретить.

Шекспир. «Гамлет».

1

В первый раз увидел я Карла Маркса в феврале 1865 года. 28 сентября 1864 года в Лондоне на собрании в Сеит-Мартинс Холле был основан I Интернационал. В феврале 1865 года я приехал из Парижа в Лондон, чтобы сообщить Марксу сведения об успехах, достигнутых там молодой организацией. Г-н Толен — ныне сенатор буржуазной республики — дал мне рекомендательное письмо.

Мне было тогда 24 года; всю свою жизнь я не забуду того впечатления, которое произвела на меня эта первая встреча. Маркс тогда прихварывал и работал над первым томом «Капитала», который вышел только два года спустя, в 1867 году. Он опасался, что ему не придется довести до конца свою работу, и с удовольствием принимал молодых людей. Он говорил: «Я должен подготавливать людей, которые после меня будут продолжать коммунистическую пропаганду».

Карл Маркс — это один из редких людей, которые могли стоять на передовых позициях

одновременно и в науке и в общественной деятельности; и то и другое так нераздельно слилось в нем, что его невозможно понять, не рассматривая одновременно и как ученого и как социалистического борца.

Маркс держался взгляда, что ни при каком научном исследовании не следует смущаться теми выводами, к которым оно может привести, и в то же время считал, что ученый, если он не хочет сам снизить свой уровень, никогда не должен прерывать своего активного участия в общественной жизни и не должен сидеть вечно взаперти в своем кабинете или в своей лаборатории, вроде крысы, забравшейся в сыр, не вмешиваясь в жизнь, в общественную и политическую борьбу своих современников.

«Наука совсем не эгоистическое удовольствие,— говорил Маркс,— и те счастливицы, которые могут посвятить себя научным задачам, сами первые должны отдавать свои знания на службу человечеству». «Работать для человечества» было одним из его любимых выражений.

К коммунистическим убеждениям Маркс пришел не путем сентиментальных размышлений, хотя он и глубоко сочувствовал страданиям рабочего класса, а путем изучения истории и политической экономии. Он утверждал, что всякий беспристрастный ум, свободный от влияния капиталистических интересов и не ослепленный классовыми предрассудками, непременно должен прийти к тем же выводам.

Но если Маркс без предвзятого мнения изучал экономическое и политическое разви-

тие человеческого общества, то писал он только с определенным намерением распространять результаты своих исследований и с твердым, определенным решением дать научную основу социалистическому движению, которое до него блуждало в утопическом тумане. Он выступал публично с одной лишь целью: способствовать торжеству дела рабочего класса, историческая задача которого, как только этот класс возьмет в свои руки политическое и экономическое руководство обществом, — создать коммунизм.

В своей деятельности Маркс не ограничивался страной, в которой он родился. «Я гражданин мира, — говорил он, — и действую там, где нахожусь». И действительно, во всех странах, куда забрасывали его события и политические преследования, — во Франции, Бельгии, Англии — он принимал выдающееся участие в революционных движениях, которые там развивались.

Но не в качестве неутомимого и несравненного социалистического агитатора, а как ученый предстал он впервые предо мной в той рабочей комнате на Мейтлейд-парк-род, куда со всех сторон цивилизованного мира стекались партийные товарищи для того, чтобы узнать по разным вопросам мнение мастера социалистической мысли. Это историческая комната, и надо ее знать, если хочешь понять интимную сторону духовной жизни Маркса.

Она помещалась во втором этаже, и широкое окно, через которое в комнату попадала масса света, выходило в парк. У стен, по обе стороны камина и напротив окна, стояли

книжные шкафы, которые были полны книгами и до самого потолка загружены свертками газет и рукописей. Против каминя и с одной стороны окна стояли два стола, заваленные бумагами, кингами и газетами; посреди комнаты, где было много света, стояли очень простой и небольшой рабочий стол (три фута в длину, два фута в ширину) и деревянное кресло. Между креслом и книжным шкафом напротив окна стоял кожаный диван, на который Маркс время от времени ложился, чтобы отдохнуть. Книги лежали и на каминие; тут же были сигары, спички, коробки с табаком, пресс-папье, фотографии его дочерей, его жены, Вильгельма Вольфа и Фридриха Энгельса. Маркс очень много курил.

— «Капитал» не вернет мне даже того, что стоили мне сигары, которые я выкурил, работая над ним,— как-то сказал он мне.

Но в еще большем количестве истреблял он спички; он так часто забывал о своей трубке или о сигаре и ему так часто приходилось их зажигать, что коробки спичек опустошались с невероятной быстротой.

Маркс никому не позволял приводить в порядок, или, вернее, в беспорядок, свои книги и бумаги. Они только с виду были в беспорядке: все было, собственно говоря, на своем определенном месте, и он, не ища, немедленно брал книгу или тетрадь, которые ему были нужны. Даже во время беседы он часто останавливался, чтобы показать в книге приведенную цитату или цифру. Он был одно целое со своей рабочей комнатой, находящейся в ней

книги и бумаги повиновались ему так же, как члены его собственного тела.

В расстановке книг Маркс не руководствовался внешней симметрией; книги различных форматов и брошюры стояли тесно друг подле друга; он расставлял книги не по формату, а по их содержанию. Книги для него были духовными инструментами, а не предметами роскоши. «Они — мои рабы, — говорил он, — и должны служить мне, как я хочу». Он не обращал внимания на их формат, переплет, красоту бумаги или печати; он загибал углы, покрывал поля отметками карандашом и подчеркивал строки. Надписей он никаких не делал, но сплошь и рядом он не мог воздержаться от вопросительных и восклицательных знаков, если автор писал ошибочные вещи. Система подчеркивания, которой он пользовался, позволяла ему очень легко находить в книге нужное место. У него была привычка после продолжительных перерывов перечитывать свои записные тетради и отмеченные в книгах места для того, чтобы закрепить их в своей памяти, которая отличалась исключительной остротой и точностью. Он изощрял ее с юных лет, выучивая, по совету Гегеля, наизусть стихи на незнакомом ему языке.

Гейне и Гёте, которых Маркс в разговоре часто цитировал, он знал наизусть. Он постоянно читал поэтов, выбирая их из всей европейской литературы. Ежегодно перечитывал он Эсхила в греческом оригинале; его и Шекспира он любил как двух величайших драматических гениев, которых породило человечество.

Шекспира, которого он особенно любил, он изучал специально. Он знал его самых значительных персонажей. В семье Маркса господствовал настоящий культ великого английского драматурга. Три дочери Маркса знали его наизусть. Когда после 1848 года Маркс задумал усовершенствоваться в английском языке, на котором он еще раньше умел читать, он стал собирать и приводить в систему все своеобразные шекспировские выражения; он внимательно изучал и часть полемических произведений Уильяма Коббета, которого он очень высоко ценил. Данте и Бёрнс были его любимейшими поэтами. Ему доставляло большое удовольствие, когда его дочери читали вслух сатиры или пели романсы шотландского поэта Бёрнса.

Неутомимый труженик и великий ученый Кювье устроил в Парижском музее, в котором был директором, несколько рабочих комнат для своих личных занятий. Каждая комната предназначалась для особого рода работы; в каждой находились необходимые для этого книги, инструменты, анатомические препараты и т. п. Уставши от одного рода занятий, Кювье переходил в соседнюю комнату и принимался за другое дело; в том и состоял его отдых.

Маркс был такой же неутомимый труженик, но у него не было средств устраивать себе несколько рабочих кабинетов, как у Кювье. Отдыхом ему служило только шаганье взад и вперед по комнате: от дверей до окна была вытоптана на ковре полоска, которая резко выделялась, точно тропинка на лугу.

По временам Маркс ложился на диван и читал романы, причем иногда начинал сразу несколько книг, читая их попеременно. Подобно Дарвину, он был большим любителем романов. Маркс любил преимущественно романы XVIII столетия и особенно Филдинга; из позднейших писателей ему больше всего нравились Поль де Кок, Чарлз Лавтер, Александр Дюма-отец и Вальтер Скотт, роман которого «Пуритане» («Old Mortality») он считал образцовым произведением. Он проявлял особенный интерес к рассказам, богатым приключениями и юмористическим элементом.

Выше всех романистов он ставил Сервантеса и Бальзака; в «Дон Кихоте» он видел эпос вымиравшего рыцарства, добродетели которого в только что народившемся мире буржуазии стали чудачествами и вызывали насмешки. Бальзака он ставил так высоко, что собирался написать исследование о его крупнейшем произведении «Человеческая комедия», как только окончит свое сочинение по политической экономии. Бальзак был не только историком общества своего времени, но также творчески предвосхитил те фигуры, которые при Луи-Филиппе находились еще в зародышевом состоянии и только после смерти Бальзака, при Наполеоне III, достигли полного развития.

Маркс читал на всех европейских языках, а на трех — немецком, французском и английском — и писал так, что восхищал людей, знающих эти языки; он любил повторять фразу:

«Иностранный язык есть оружие в жизненной борьбе».

Маркс обладал огромным лингвистическим талантом, который унаследовали также его дочери. Когда Марксу было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка и, несмотря на трудность этого языка, овладел им через какие-нибудь полгода настолько, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина. За изучение русского языка он принялся, чтобы иметь возможность читать официальные документы, опубликование которых в силу содержащихся в них ужасных разоблачений правительство запрещало. Преданные друзья доставляли их Марксу, и последний является, несомненно, единственным западноевропейским экономистом, который имел возможность ознакомиться с ними¹.

Наряду с поэтами и романистами у Маркса было еще замечательное средство для умственного отдыха — математика, к которой он питал особое пристрастие. Алгебра служила ему даже нравственным утешением: он прибегал к ней в самые мучительные минуты своей беспокойной жизни. Во время последней болезни жены он не мог продолжать обычных научных занятий; и в этом тяжелом состоянии он мог сколько-нибудь успокоиться, только погружаясь в математику. В это время — время душевных страданий — он написал работу по

¹ Маркс глубоко изучал историю аграрных отношений в России, положение рабочих и крестьян, а также внешнюю политику царской России. *Ред.*

исчислению бесконечно малых величин, которая, по отзывам читавших ее специалистов, имеет большое научное значение. В высшей математике он находил диалектическое движение в его наиболее логичной и в то же время простейшей форме. Он считал также, что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой.

Собственная библиотека Маркса, которую он тщательно собирал за долгое время своей исследовательской работы, в течение всей своей жизни, и которая содержала более тысячи томов, была для него недостаточна, и он в течение многих лет был усердным посетителем Британского музея, книгохранилище которого он ценил очень высоко.

Даже противники Маркса вынуждены были признать его обширные и глубокие познания не только по его специальности — политической экономии, но также и по истории, философии и по литературе всех стран.

Хотя спать Маркс ложился всегда очень поздно, но между восемью и девятью часами утра всегда бывал уже на ногах, пил черный кофе, читая газеты, и шел затем в свою рабочую комнату, где и работал до двух или до трех часов ночи. Он делал перерывы только для еды и вечером, чтобы прогуляться в Хэмпстед-Хис, если позволяла погода; днем час или два он спал на своем диване. В молодости у Маркса было обыкновение просиживать за работой целые ночи.

Работа стала страстью Маркса; она поглощала его настолько, что за ней он часто

забывал о еде. Нередко приходилось звать его к обеду по нескольку раз, пока он спускался, наконец, в столовую; и едва лишь он съедал последний кусок, как снова уже шел в свою комнату.

Ел он очень мало и прямо-таки страдал отсутствием аппетита; он пытался с этим бороться, употребляя в пищу острые и соленые кушанья — ветчину, копченую рыбу, икру и маринады. Желудок должен был расплачиваться за колоссальную работу мозга.

Весь свой организм приносил он в жертву своему мозгу: мышление было для Маркса высшим наслаждением. Мне приходилось часто слышать, как он повторял слова Гегеля, своего учителя философии в годы юности: «Даже преступная мысль злодея величественнее и возвышеннее всех чудес неба».

Организм Маркса должен был быть очень крепким, чтобы выносить такой необычный образ жизни и такую изнуряющую умственную работу. И действительно, он был человеком крепкого сложения, роста выше среднего, широкоплечим, с хорошо развитой грудью, он был пропорционально сложен; пожалуй, только туловище было несколько длиннее, чем следует, по сравнению с ногами, как это часто встречается у евреев. Если бы в молодости он много занимался гимнастикой, то стал бы очень сильным человеком. Единственное физическое упражнение, которым он занимался регулярно, была ходьба; целыми часами, беседуя и куря, он мог шагать или взбираться на холмы, не чувствуя ни малейшей усталости.

Можно даже сказать, что в своем кабинете он работал на ходу; он присаживался лишь на короткие промежутки времени, чтобы записать то, что он обдумал во время ходьбы. Он очень любил беседовать расхаживая и лишь время от времени останавливался, когда беседа бывала особенно оживленной или разговор становился серьезным.

В продолжение многих лет я сопровождал его на вечерних прогулках в Хэмпстед-Хис; во время этих прогулок по лугам получил я от него свое экономическое воспитание. Может быть, даже сам того не замечая, он излагал мне, шаг за шагом, содержание всего первого тома «Капитала», по мере того как он его тогда писал.

Всякий раз, возвратившись домой, я записывал, как мог, только что услышанное; сначала мне было очень трудно следовать за глубоким и сложным ходом мысли Маркса. К сожалению, я потерял эти драгоценные заметки. После Парижской Коммуны мои бумаги в Париже и в Бордо подверглись со стороны полиции полному разграблению.

Больше всего жалею я об утрате заметок, которые я сделал в тот вечер, когда Маркс изложил мне свою гениальную теорию развития человеческого общества с тем богатством доказательств и соображений, которое было свойственно только ему. Как будто завеса разорвалась перед моими глазами: в первый раз я ясно почувствовал логику всемирной истории и мог свести столь противоречивые по видимости явления развития общества и идей

к их общим материальным причинам. Я был этим прямо-таки ошеломлен, и впечатление это сохранилось у меня в течение долгих лет.

Точно такое же действие произвело это на мадридских социалистов¹, когда я, при всей недостаточности моих средств, изложил им эту теорию, величайшую из теорий, созданных Марксом, и, безусловно, одну из величайших теорий вообще, до каких только доходил когда-либо человеческий ум.

Мозг Маркса был вооружен невероятным множеством фактов из области истории и естествознания, а также философских теорий, и он превосходно умел пользоваться всей массой знаний и наблюдений, накопленных в продолжение долгой умственной работы. Маркса можно было спрашивать когда угодно и о чем угодно, и неизменно получался самый обстоятельный ответ, какого только можно было желать, и всегда он сопровождался философскими соображениями обобщающего характера. Мозг его был подобен военному кораблю, стоящему в гавани под парами: он был всегда готов отплыть в любом направлении мышления.

Несомненно, «Капитал» обнаруживает перед нами ум изумительной силы и громадных знаний; но для меня, как и для всех, кто близко знал Маркса, ии «Капитал», ии какое-либо другое из его сочинений не показывает

¹ После поражения Парижской Коммуны Лафарг эмигрировал из Франции в Испанию, где вел по поручению Маркса и Генерального Совета I Интернационала борьбу против анархистов-бакунистов. *Ред.*

всего величия его гения и его знаний. Он был гораздо выше своих произведений.

Мне привелось работать с Марксом; я был просто писцом, которому он диктовал. Но мне при этом представлялась возможность наблюдать его манеру мыслить и писать. Работа шла у него легко и в то же время трудно: легко, потому что для любой темы немедленно же появлялась перед его духовным взором вся полнота относящихся к ней фактов и соображений; но как раз вследствие этой полноты исчерпывающее изложение его идей было трудным делом и требовало продолжительного времени...

Маркс постигал суть вещи. Он видел не только поверхность, он проникал вовнутрь, он исследовал составные части в их взаимном действии и в их взаимном противодействии. Он выделял каждую из этих частей и прослеживал историю ее развития. Затем от вещи он переходил к окружающей ее среде и наблюдал действие последней на первую и обратно. Он возвращался опять к возникновению объекта, к его изменениям, эволюциям и революциям, которые этот последний проделывал, и доходил, наконец, до самых отдаленных его действий. Он видел перед собой не отдельную вещь самое по себе, вне связи с окружающей ее средой, но весь сложный, находящийся в постоянном движении мир.

И Маркс хотел изобразить всю жизнь этого мира в его столь разнообразных и непрерывно меняющихся действиях и противодействиях. Беллетристы школы Флобера

и Гонкуров жалуются: как трудно точно передать то, что видишь. А ведь то, что они хотят изобразить, это только поверхность, только воспринятое ими впечатление. Их литературная работа — детская игра по сравнению с работой Маркса. Требовалась необычайная сила мысли, чтобы так глубоко понять действительность, и требовалось не менее редкое искусство, чтобы передать то, что он видел и хотел сказать.

Никогда он не был доволен своей работой, всегда он впоследствии делал в ней изменения и постоянно находил, что изложение не достигает той высоты, до которой доходит его мысль.

Маркс совмещал в себе оба качества, необходимые для гениального мыслителя. Он мастерски разлагал предмет на его составные части и затем восстанавливал его со всеми его деталями и различными формами развития и открывал внутреннюю их зависимость. Его доказательства не были абстракциями, как утверждали экономисты, неспособные мыслить; его метод был не метод геометрии, которая, черпая свои определения из окружающего мира, при построении выводов совершенно отрешается от реальной почвы. В «Капитале» мы находим не отдельные определения, не отдельные формулы, а ряд в высшей степени тонких анализов действительности, передающих самые легкие оттенки и малейшие различия.

Маркс начинает с утверждения очевидного факта, что богатство общества, в котором гос-

подствует капиталистический способ производства, заключается в огромной массе товаров; товар — нечто конкретное, не какая-нибудь математическая абстракция — есть, таким образом, элемент, первичная клеточка капиталистического богатства. Маркс берется за этот товар; он перевертывает его во все стороны, выворачивает даже наизнанку и раскрывает одну за другой его тайны, о существовании которых представители официальной экономической науки даже не подозревали и которые, однако, многочисленнее и глубже, чем все таинства католической религии. Всесторонне исследовав вопрос о товаре, он рассматривает отношение одного товара к другому в обмене и затем переходит к производству товаров и к историческим условиям развития их производства. Рассматривая формы существования товара, Маркс показывает, как одна из них переходит в другую, как необходимым образом одна производит из себя другую. Логический ход развития явлений представлен так искусно и с таким совершенством, что может, пожалуй, показаться простым измышлением самого Маркса, и, тем не менее, все это почерпнуто им лишь из действительности, все это представляет действительную диалектику товара.

Маркс работал всегда с величайшей добросовестностью; любой факт, любая цифра, приводимые им, подтверждались ссылкой на самые выдающиеся авторитеты. Он не довольствовался сообщениями из вторых рук; он сам всегда добирался до первоисточника, какие бы

трудности это ни представляло; даже ради второстепенного факта он спешил в Британский музей, чтобы в библиотеке музея проверить этот факт. Оппоненты никогда не были в состоянии изобличить Маркса в опрометчивости, указать, что его доказательства построены на фактах, не выдерживающих строгой критики.

Следуя этой привычке обращаться непосредственно к первоисточникам, он часто читал малоизвестных писателей, цитаты из которых встречаются у него одного. Подобных цитат в «Капитале» так много, что можно было бы, пожалуй, заподозрить, не приводил ли он их намеренно, чтобы похвастать своей начитанностью. Маркс, однако, имел в виду отнюдь не такую цель. «Я творю суд истории и воздаю каждому по его заслугам», — говорил он и считал своим долгом назвать имя каждого писателя, который впервые высказал ту или другую мысль или выразил ее наиболее определенно, как бы незначителен или малоизвестен ни был этот писатель.

Литературная совесть Маркса была столь же строга, как и его научная совесть. Он не только никогда не ссылался на факт, в котором не был вполне уверен, но даже не позволял себе говорить о предмете, которого он предварительно не изучил основательно. Он не публиковал ничего до тех пор, пока не добивался тщательной обработкой и неоднократными переделками соответствующей формы. Ему была невыносима мысль появиться перед публикой с вещью, не доработанной до конца.

Показывать свои рукописи, пока в них не закончено все до последней запятой, было для него чистым мучением. Так сильно было в нем это чувство, что однажды он сказал, что лучше сожжет свои рукописи, чем оставит их неоконченными.

Вряд ли читатель его произведений представляет себе все трудности, которые вытекали из его метода исследования. Так, чтобы написать в «Капитале» около двадцати страниц об английском рабочем законодательстве, он должен был проштудировать целую библиотеку Синих книг, содержащих доклады следственных комиссий и фабричных инспекторов Англии и Шотландии; он прочитал их от начала до конца, как можно судить по многочисленным пометкам карандашом, встречающимся в них. Эти доклады он считал важнейшими и значительнейшими документами для изучения капиталистического способа производства и был такого высокого мнения о людях, которым поручено было их составление, что сомневался, удастся ли другим нациям Европы «найти таких же компетентных, беспристрастных и решительных людей, как английские фабричные инспектора». Эту богатую дань их заслугам он воздает в предисловии к «Капиталу».

И этот обильный фактический материал Маркс почерпнул из тех самых Синих книг, которые многие члены обеих палат парламента, получавшие эти книги, употребляли только как мишень для стрельбы из пистолета, измеряя по числу страниц, пробитых пулей, силу

удара оружия. Другие члены парламента продавали Синне книги на вес, и это было самое разумное, что они могли сделать: это-то и дало возможность Марксу дешево купить их у букиниста, к которому он заходил время от времени просматривать книги и старые документы. Профессор Бизли заявил, что Маркс максимально использовал для науки Синне книги и, пожалуй, даже впервые познакомил с ними мир. Профессор Бизли, однако, не знал, что еще до 1845 года Энгельс почерпнул из Синних книг много документов, которые он использовал в своей книге о положении рабочего класса в Англии¹.

2

Надо было видеть Маркса дома, в кругу семьи, когда он откладывал в сторону книги и тетради, или по воскресеньям вечером в компании друзей, чтобы разглядеть за обликом строгого ученого сердце этого человека и полюбить его. В эти моменты он бывал самым приятным собеседником — остроумным, полным юмора, умевшим смеяться от всей души. Всякий раз, когда кто-нибудь вставлял в разговор острое словцо или ловко парировал ответ, черные глаза Маркса под нависшими густыми бровями искрились от веселости и насмешливой иронии.

Маркс был нежным, кротким, снисходительным отцом. «Дети должны воспитывать

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, 2 изд., т. 2, стр. 231—517. *Ред.*

своих родителей», — бывало говорил он. Не было и тени отцовской власти в его отношении к дочерям, которые были необыкновенно к нему привязаны. Он никогда ничего им не приказывал; если же хотел чего-нибудь от них, он их просил как об одолжении или уговаривал отказаться от того, что ему было нежелательно. И тем не менее редкому отцу удавалось добиться большего послушания. В глазах дочерей он был другом, и они обходились с ним, как с товарищем. Они называли его не отец, а «Мавр», — так в шутку прозвали Маркса за смуглый цвет лица и за черные, как смоль, волосы и бороду. А члены Союза коммунистов¹ еще до 1848 года величали его «отец Маркс», хотя в то время ему не было еще и 30 лет...

Маркс проводил иногда целые часы в играх со своими детьми. Последние и до сих пор вспоминают о морских сражениях и пожарах целых флотилий бумажных корабликов, которые он сам для них сооружал, пускал в большом тазу с водой и затем поджигал к величайшей радости ребят.

По воскресеньям дочери не позволяли ему работать: он на весь день был в их распоряжении. Если погода была хорошая, все семейство предпринимало большую прогулку за город; по дороге заходили в простую таверну выпить имбирного пива и закусить хлебом

¹ Союз коммунистов — первая международная организация революционного пролетариата, основанная Марксом и Энгельсом; существовала с 1847 по 1852 год. *Ред.*

с сыром. Когда дочери были еще маленькими, Маркс, чтобы укоротить длинный путь, рассказывал чудесные волшебные сказки, тянувшиеся без конца,—сам по дороге сочиняя их, растягивая или, наоборот, ускоряя события, смотря по длине оставшегося пути, и малыши, заслушавшись его, забывали о своей усталости.

У Маркса была неподобная поэтическая фантазия. Его первыми литературными опытами были стихи. Жена Маркса бережно хранила юношеские стихотворения своего мужа, но никому их не показывала. Родители Маркса мечтали для сына о литературной или профессорской карьере; по их мнению, он унижил себя тем, что отдался социалистической агитации и избрал своим предметом политическую экономию, к которой в тогдашней Германии относились еще с пренебрежением.

Маркс обещал своим дочерям написать драму, сюжетом которой должна была служить история Гракхов. К сожалению, он не мог исполнить этого данного им обещания; а интересно было бы посмотреть, как тот, кого называли «рыцарем классовой борьбы», разработал бы этот трагичный и вместе величественный эпизод из истории борьбы классов древнего мира. У Маркса было множество планов, которые остались неосуществленными. Он намеревался, между прочим, написать логику и историю философии,—последняя была его любимым занятием в юношеские годы. Сто лет надо было ему прожить, чтобы привести в исполнение свои литературные пла-

ны — одарить мир частью тех сокровищ, которые хранились в его голове!

Жена Маркса в течение всей его жизни была ему другом в самом настоящем и полном смысле этого слова. Оба знали друг друга еще с детства и выросли вместе. Марксу было не больше 17 лет, когда они обручились. Молодым людям пришлось ждать семь лет, пока они, в 1843 году, обвенчались и с тех пор не разлучались уже ни разу. Жена Маркса скончалась, немного опередив мужа. Никто и никогда, пожалуй, не был в такой степени проникнут идеей равенства, как жена Маркса, хотя она родилась и получила воспитание в аристократической немецкой семье. Различий по общественному положению для нее не существовало. Пролетариев в будничной рабочей одежде она приглашала садиться в ее доме за ее стол с такой любезностью и предупредительностью, как будто это были князья или принцы. Многим рабочим всевозможных национальностей привелось самим испытать ее гостеприимство и радушие, и, я уверен, ни один из них даже не заподозрил, что эта женщина, с ее безыскусственной, искренней сердечностью в обращении, происходит по женской линии из рода герцогов Аргайльских, что ее брат был министром прусского короля. Она бросила все, чтобы следовать за своим Карлом, и никогда, даже в дни самой жестокой нужды, не раскаивалась в том, что сделала.

У нее был светлый, блестящий ум. Ее письма к друзьям, очевидно без всякого усилия с ее стороны, сами собой выливавшиеся

из-под пера, представляют действительно мастерские произведения живого и оригинального ума. Получить от жены Маркса письмо было праздником. Иоганн Филипп Беккер опубликовал часть ее писем. Неумолимый сатирик Гейне побаивался иронии Маркса и очень высоко ценил острый и токий ум его жены. Во время пребывания четы Маркс в Париже он был их постоянным гостем. Сам Маркс был настолько высокого мнения об уме и критических способностях своей жены, что (как я слышал от него в 1866 г.) давал ей на прочтение все свои рукописи и придавал большую цену ее суждениям. Она же переписывала его рукописи для печати.

У супругов Маркс было много детей. Трое из них умерли в самом раннем возрасте во время невзгод, которые пришлось испытать семье после революции 1848 года, когда они эмигрировали в Лондон и поселились там в двух маленьких комнатах на Дин-стрит, около Сохо-сквера. Из детей я знал только трех дочерей. Когда в 1865 году я познакомился с Марксом, младшая (Элеонора) была чудным ребенком, с замашками мальчика. Маркс уверял, что жена его ошиблась, произведя ее на свет девочкой. Две другие дочери представляли собой удивительный образец совершенных противоположностей во всех отношениях. Старшая (впоследствии жена Лонге), подобно отцу, имела смуглый здоровый цвет лица и волосы цвета воронова крыла; другая — средняя (впоследствии жена Лафарга) — походила на мать: это была румяная блондинка с

пышными кудрявыми волосами, которые отливали золотом, как будто в них постоянно светилось заходящее солнце.

К семейству Маркса, кроме вышеупомянутых, нужно причислить еще одного члена, игравшего в нем немаловажную роль, — Ленхен Демут. Родом из крестьянской семьи, она совсем еще молоденькой, почти ребенком, попала к Жени Маркс в качестве прислуги задолго до ее замужества. Ленхен не оставила Жени Маркс и после ее выхода замуж; она так сильно привязалась к семейству Маркса, что совершенно забыла о самой себе. Она сопровождала супругов во всех их поездках и разделяла с ними их изгнание.

Это был поистине добрый гений дома; она умела найти в самую трудную минуту. Благодаря ее распорядительности, бережливости и ловкости семья никогда не испытывала острой нужды, по крайней мере, в самом необходимом. Ленхен все умела делать: стряпала, смотрела за хозяйством, одевала детей, кроила платья и шила их вместе с женой Маркса. В доме, находившемся на ее попечении, она была одновременно и хозяйкой и мажордомом.

Дети любили ее, как мать, и в их глазах она пользовалась родительским авторитетом, потому, конечно, что относилась к ним с чисто материнской привязанностью. Жени Маркс видела в ней свою близкую подругу, и сам Карл Маркс был к ней расположен очень дружески; он любил играть с ней в шахматы, причем она нередко его обыгрывала.

Привязанность Ленхен к семье Маркса была слепая: что бы кто из них ни сделал, все в ее глазах было прекрасно и не могло быть иным. Всякий, высказывавший осуждение Марксу, казалось, осуждал ее самое. Ко всем, кто пользовался сердечным расположением семьи, она относилась по-матерински, с чувством покровительственной нежности. Она как бы усыновила всех их — всю семью. Ленхен пережила Маркса и его жену; ту заботливость и привязанность, которые она дарила семье Маркса, она перенесла затем в дом Энгельса, с которым познакомилась еще в молодые годы.

Впрочем, и Энгельс тоже как бы состоял членом их семьи; дочери Маркса называли его своим вторым отцом, он был *alter ego*¹ Маркса; долгое время в Германии их имена не разделялись, и на страницах истории они будут навсегда связаны. Маркс и Энгельс осуществили в нашем веке тот идеал дружбы, который изображали древние поэты. С юных лет они развивались вместе и, так сказать, параллельно, делились друг с другом самыми душевными мыслями и чувствами, принимали участие в одном и том же революционном движении и до тех пор работали совместно, пока могли быть вместе.

Они бы всю жизнь, вероятно, проработали так вдвоем, если бы события не разлучили их почти на целых 20 лет. После поражения революции 1848 года Энгельсу пришлось отпра-

¹ — вторым «я». *Ред.*

виться в Манчестер, тогда как Маркс должен был остаться в Лондоне.

Несмотря на это, они продолжали жить общей духовной жизнью: они почти ежедневно переписывались по поводу текущих политических событий или по вопросам науки, делились друг с другом собственными научными изысканиями. Как только Энгельсу представилась возможность освободиться от своей работы, он поспешил выбраться из Манчестера и переехал в Лондон, где поселился в десяти минутах ходьбы от своего дорогого Маркса. Начиная с 1870 года и до самой смерти Маркса не проходило дня, чтобы они не виделись, чтобы один из друзей не навещал другого.

Когда Энгельс объявлял о своем приезде, это было торжеством в семье Маркса. В ожидании его шли нескончаемые разговоры о нем, а в самый день приезда Маркс от нетерпения не мог работать. Подкрепляя свои силы табаком, друзья просиживали вместе всю ночь, чтобы досыта наговориться обо всем, что произошло со дня их последнего свидания.

Мнением Энгельса Маркс дорожил больше, чем мнением кого бы то ни было: Энгельс был как раз тем человеком, которого Маркс считал способным быть его сотрудником. Для того чтобы убедить в чем-нибудь Энгельса, чтобы заставить его признать какую-нибудь свою идею, Маркс не жалел никаких трудов. Мне, например, привелось видеть, как он перечитывал заново целые тома, чтобы отыскать факты, которые заставили бы Энгельса

переменить мнение по какому-то — теперь не припомню, какому имению — второстепенной важности вопросу из истории политической и религиозной войны альбигойцев¹. Заставить Энгельса согласиться со своим мнением было праздником для Маркса.

Маркс гордился своим другом. Он с особенным удовольствием раскрывал предо мной все нравственные и умственные достоинства Энгельса; чтобы показать мне его, он даже нарочно ездил со мной в Манчестер.

Маркс приходил в восторг от необыкновенной разносторонности научных познаний Энгельса. Каждая мелочь, касавшаяся друга, беспокоила его.

— Я постоянно дрожу, — говорил мне Маркс, — при мысли, что с ним приключится какое-нибудь несчастье на охоте, когда он скачет по полям во весь опор, беря одно препятствие за другим.

Маркс был хорошим другом так же, как был нежным мужем и отцом; с другой стороны, в своих близких — жене, дочерях, Леихен и Энгельсе — он нашел людей, вполне достойных любви такого человека, каким был он.

¹ Альбигойские войны — крестовые походы, принятые по инициативе папства против «еретиков» Южной Франции — христианской секты альбигойцев, получивших название от южнофранцузского города Альби, одного из главных центров движения. Происходили с перерывами в 1209—1229 годах, *Ред.*

Маркс начал свою общественную деятельность одним из вождей радикальной буржуазии, но как только его оппозиция стала более резкой, он оказался покинутым, а когда он стал коммунистом, прежние союзники объявили его своим врагом. Его травили, изгнали из Германии, позорили его и клеветали на него, и, наконец, против него лично и против его трудов составилась заговор молчания. Абсолютно игнорировали его «Восемнадцатое брюмера»¹, работу, доказывающую, что из всех историков и общественных деятелей 1848 года он один сумел понять причины и предугадать последствия государственного переворота 2 декабря 1851 года. Ни одна буржуазная газета не упомянула об этом произведении, несмотря на то, что оно было написано на злобу дня.

Равным образом замолчали и «Нищета философии» — ответ на «Философию нищеты»², так же как и «К критике политической экономии»³. Однако I Интернационал и первый

¹ «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс писал с декабря 1851 по март 1852 года. Работа была опубликована в мае 1852 года. *Ред.*

² «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» — книга французского публициста, экономиста и социолога, идеолога мелкой буржуазии, одного из основоположников анархизма Прудона, выпущенная им в 1846 году. Маркс в работе «Нищета философии» (1847) подверг уничтожающей критике книгу Прудона, показав ее научную несостоятельность. *Ред.*

³ Работа Маркса, изданная в 1859 году. *Ред.*

том «Капитала» разбили этот заговор молчания, продолжавшийся почти 15 лет.

Игнорировать Маркса далее стало невозможно. Интернационал рос, и слава его дел наполнила весь мир. Хотя сам Маркс держался в тени, выдвигая вперед других, однако скоро ни для кого уже не было тайной, кто является режиссером.

В Германии была основана социал-демократическая партия, выросшая в силу, за которой Бисмарк ухаживал прежде чем решился обрушить на нее репрессии. Лассальянец Швейцер напечатал ряд статей, которые знакомили рабочую публику с содержанием «Капитала». По предложению И. Ф. Беккера, конгресс Интернационала принял резолюцию, в которой «Капитал» рекомендуется вниманию социалистов всех стран как «библия рабочего класса»¹.

После восстания 18 марта 1871 года, в котором хотели видеть дело рук Интернационала, и после поражения Коммуны, защиту которой против клеветнического похода буржуазной прессы всех стран взял на себя Генеральный Совет Интернационала, имя Маркса стало всемирно известным.

Маркс был теперь признан крупнейшим теоретиком научного социализма и организатором первого интернационального движения рабочих. «Капитал» стал учебником социалистов всех стран. Все социалистические и ра-

¹ Эта резолюция была принята Брюссельским конгрессом I Интернационала в сентябре 1868 года *Ред.*

бочие газеты пропагандировали его научные теории, а в Америке во время одной вспыхнувшей в Нью-Йорке крупной забастовки поддержки из «Капитала» распространялись в форме прокламаций для того, чтобы побудить рабочих к стойкости и доказать им справедливость их требований.

«Капитал» был переведен почти на все европейские языки. И каждый раз, когда в Европе или Америке противники теории Маркса делали попытку опровергнуть его положения, марксисты находили ответ, который затыкал им рот. «Капитал» теперь действительно стал тем, чем его назвал конгресс Интернационала, а именно — «библией рабочего класса».

Однако горячее участие, которое принимал Маркс в Интернационале и рабочем движении вообще, отнимало время у его научной деятельности, а смерть жены и старшей дочери, Женин Лонге, отозвалась на этой деятельности прямо роковым образом.

Супругов Маркс тесно связывало чувство глубокой взаимной любви. Маркс любовался и гордился красотой жены. Она своим кротким, мягким нравом облегчала ему жизнь революционного социалиста, беспокойную и неизбежно связанную с лишениями.

Эти лишения свели в могилу Женин Маркс; они же сократили жизнь ее мужа. За время ее долгой мучительной болезни бессонные ночи, душевные волнения, недостаток движения и чистого воздуха утомили Маркса и нравственно и физически. Он вскоре схватил

воспаление легких, которое чуть было не свело его в могилу.

Жена Маркса как жила, так и умерла, верная своим убеждениям коммунистки и материалистки. Скончалась она 2 декабря 1881 года. Она не боялась смерти. Почувствовав ее приближение, она сказала мужу: «Карл, силы мои сломлены».

Это были ее последние, внятно произнесенные слова. Она была похоронена 5 декабря на Хайгетском кладбище в отделении для «отверженных» (в неосвященной земле). Следуя правилам, которых она держалась всю жизнь и которые разделял и Маркс, о дне ее погребения не объявляли; только немногие самые близкие друзья проводили умершую на место ее последнего успокоения. Перед тем, как разойтись, Энгельс, старинный друг Карла и Женни, произнес над могилой речь...

Со дня смерти жены жизнь Маркса была рядом физических и нравственных страданий, которые он переносил с твердостью и которые еще обострились, когда год спустя внезапно умерла его старшая дочь Женни Лонге. Он был сломлен и уже не поправился.

Он умер за своим письменным столом 14 марта 1883 года, на шестьдесят шестом году жизни.

*Печатается по сборнику
«Воспоминания о Марксе и Энгельсе».
Госполитиздат, 1956.*

4 коп.

